

они не заметили этого и все реформы в условиях капитализма считали лишь паллиативом.

Необходимо признать, что германское общество в значительной степени было одухотворено идеями марксизма. Массы людей поверили их популярному изложению. Казалось, так просто – отстранить от управления промышленностью предпринимателей-капиталистов, отнять принадлежащие им фабрики и заводы, передать их в общественную собственность и, как по мановению волшебной палочки, возникает изобилие всех общественных благ. Только успевай их потреблять. При этом массы людей не потрудились или не сумели понять всю глубину бездоказательности их утверждений, всю наивность экономического совершенства в форме социализма. Такой идейной позицией основоположники марксизма сослужили «добрую услугу» социалистическому рабочему движению. Должны были пройти годы жестокой борьбы, чтобы на практике убедиться в недалёковидности марксистских взглядов о социальной справедливости.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Фридриху Адольфу Зорге. 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1960. Т. 1.
2. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Там же. Т. 17.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии... Т. 4.
4. Маркс К. К критике политической экономии... Т. 13.
5. Маркс К. Ницета философии ... Т. 4.
6. Маркс К. Капитал. ... Т. 23.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг... Т. 20.
8. Маркс К. К критике политической экономии... Т. 13.
9. Маркс К. Немецкая идеология... Т. 3.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Требования Коммунистической партии Германии... Т. 5.
11. Энгельс Ф. Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. ... Т. 37.
12. Энгельс Ф. В.Боргиусу 25 января 1894 г. ... Т. 39.
13. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. ... Т. 22.
14. Энгельс Ф. Фридриху Адольфу Зорге 11 февраля 1844 г. ... Т. 38.
15. Энгельс Ф. Социализм в Германии. ... Т. 22.
16. Энгельс Ф. Эдуарду Бернштейну от 17 июля 1879 г. ... Т. 34.
17. Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию «Положение рабочего класса в Англии» 1892 г. ... Т. 22.

Материал поступил в редакцию 19.11.08

DALIA EIDUKIENE. The social problem decision in marxism interpretation

In article is analyzed a Marxism position in the social problem decision. The author of article makes attempt to open an error of ideas of "a scientific socialism" which started with unwillingness to accept idea of reform and from absolute belief in revolutionary radicalism. Search of arguments is constructed on the analysis of two basic theories of a Marxist socialism – economic interpretation of history and the theory of social classes.

Moreover, the author tries to answer a question the Marxist socialism is an error of scientist which goes a thorny road of tests and errors or it is elementary falsification which so is favourable in the propaganda relation and so it is important as the basic argument in a Marxist substantiation of urgent necessity of proletarian revolution.

УДК 323.2

Данилов Ю.Д.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ

В условиях развития суверенной государственности всё чаще в научных статьях, средствах массовой информации и на бытовом уровне эксплуатируется понятие «гражданское общество». Спектр его применения довольно широк: гражданское общество как явление – это, с одной стороны, отражение исторического развития человечества, и, вместе с тем с другой – продукт эволюции сознания каждого человека в отдельности. Представления о любой проблеме, включая и её теоретические обоснования, существенно изменяются во времени и в пространстве. Идея гражданского общества также пережила ряд трансформаций, но при этом, неизменной на всех этапах ее существования, являлась проблема с определением. Вопрос, как определить гражданское общество возникает из-за того, что оно имеет два разных аспекта, социальный и политический.

Со времен Аристотеля и вплоть до Локка эти две сферы рассматривались в нераздельном единстве. Общность, государство, *κοινωνία*, *civitas* были единым социальным и политическим целым. Общества были «политическими обществами», и это положение все еще сохранялось в 1690, когда Джон Локк написал свой «Второй трактат о правлении». Одна из его глав названа «О политическом и гражданском обществе». Локк полагал, что общество в этом смысле отличается от природного состояния; оно существенным образом отличается от общности супругов, семьи. Кроме того, гражданское общество несовместимо с абсолютной монархией [1]. Спустя столетие терминология изменилась. В труде А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» (1767) отмечается разрыв между политической и социальной сферами. Примерно в то же время Дж. Мэдисон в своих статьях в «Федералисте» подчеркивал роль гражданского

общества как противовеса произволу государства [2]. В 19 и 20 вв. под гражданским обществом многие стали понимать просто человеческое сообщество, другие усматривали в нем элемент политической организации. Но в обоих случаях для гражданских обществ оставались характерными три особенности. Во-первых, наличие множества ассоциаций или, в более общем плане, центров социальной власти. Во-вторых, относительная независимость этих центров социальной власти. И, в-третьих, чувство гражданской ответственности, цивилизованное поведение и активная гражданская позиция. Все это – необходимые элементы подлинно гражданского общества. Эти особенности проявляют диалектически неразрывную связь гражданского общества с государством и всеми аспектами его генезиса. Несомненной представляется и зависимость состояния гражданского общества от способа и уровня идентификации гражданами себя как членов данного конкретного общества, в этом состоит изначальная сущность генезиса любого гражданского общества, по существу – его социального аспекта.

Между понятием «гражданское общество» и однопорядковым ему понятием «общество» есть не только очевидная взаимосвязь, но и весьма существенные различия. Одно из различий заключается в том, что общество, как совокупность отношений между людьми, становится гражданским лишь на определенной стадии своей зрелости, при определенных условиях. В этом плане за прилагательным «гражданское», несмотря на его неопределенность, стоит вполне конкретное и содержание. Категория «гражданское общество» отражает новое качественное состояние общества, основанное на развитых формах его самоидентификации, самоорганизации и саморегу-

Данилов Юрий Дмитриевич, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ляции, на оптимальном сочетании публичных (государственно-общественных) и частных (индивидуально-личностных) интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод. Описываемое понятие «гражданское общество» состояние общественных связей и отношений является качественным показателем гражданской зрелости, самостоятельности жителей той или иной страны, основным критерием гармоничного разделения функций государства и общества в различных сферах жизни.

В постсоветской науке, вследствие многолетнего исключения этого понятия из научного обихода, разбежка в толковании взаимосвязи гражданского общества и государства еще более велика – от полной их независимости друг от друга, до неразделения гражданского общества и государства. Как считает И.Б. Левин, до 1995 года проблемы гражданского общества не поднимались ни в одном из научных центров СНГ. Поэтому мы изучаем сейчас в основном западные воплощения гражданского общества и идей о нём, причём того гражданского общества, которое уже не существует, потому что само гражданское общество в своем развитии ушло вперёд [3]. Причем мы не только изучаем эти, уже не существующие модели, но и нередко берем их в качестве ориентира для своего собственного развития. Не без оснований, следует дополнить, что предметом научного интереса становятся и модели, осознанно навязываемые в качестве перспективного, передового, приемлемого (для кого-то), конструкта. А также ориентация на использование только западных методологических установок, не учитывающих многие параметры и особенности, необходимые при изучении гражданского общества у нас.

Абстрагируясь от политической и идеологической предвзятости, важно отметить некоторые аспекты методологии оценки и изучения современного состояния развития гражданского общества в Беларуси, которые нельзя отрицать, как данность, сегодня, и нельзя не учитывать при построении возможных сценариев развития общества в будущем.

В белорусской научной мысли вместе с дискуссией о гражданском обществе идет полемика и о сущности нашей государственности. Это вполне закономерно, прежде всего, с методологической точки зрения, так как государство и гражданское общество представляют диалектически взаимообусловленные стороны общественного бытия. Этим объясняется и существование разных подходов к определению как самого понятия «гражданское общество», так и оценки его генетических и системных свойств.

А. Власов определяет гражданское общество как «конституционно единённое сообщество граждан». Таким образом, гражданское общество, по Власову, можно просто конституировать путем легитимированных процедур, определяемых законодательством [4]. Автор считает, что духовно-нравственные ценности, исторически складывающиеся на протяжении веков формы и стереотипы массового сознания и мышления, являющиеся важными характеристиками любого гражданского общества, реально воплощаются в жизнь только правовыми актами. Но само право – это результат работы не только государства, но и всего гражданского общества и каждого его члена – гражданина. Право – это не только воплощение волевого акта элиты, народа, социальной группы и т. д., но и квинтэссенция многих элементов, составляющих их культуру. Гармоничное единство этих элементов достигается только тогда, когда основополагающие правовые, идейные и культурные ценности гражданского общества и деятельность образованного им государства в наибольшей степени совпадают.

В. Бовш в докладе «Роль государства в формировании гражданского общества в Беларуси» делает вывод о том, что гражданское общество должно заботиться о защите своих идеологических ценностей, создавая для этого продуманные механизмы [5]. Основным инструментом этой защиты должно стать государство, которое он ставит над гражданским обществом, хотя именно гражданское общество и создаёт государство. В данном случае автор не учитывает, что гражданское общество тем и отличается от государства, что выступает не только и не столько вместе с государством, но и основным генератором многих идеологий. В развитии гражданском обществе и

правовом государстве доминирует не охранительная функция по отношению к той же идеологии, а регулятивно-консенсусная, в которой основную регулятивную функцию выполняют культурно-исторические, ментальные механизмы.

Значительная часть ученых делают попытки найти и обосновать перспективы гражданского общества в Беларуси в формировании идеологии «белорусскости». В.Г. Мельник, рассуждая о национальной идее, её историческом аспекте в развитии белорусского государства, соотносит многонациональное гражданское общество белорусского государства с одной нацией. На основе этого вывода он утверждает, что в гражданском обществе должна доминировать национальная государственная идеология [6]. Это созвучно и с идеями М.О. Бича о «белорусскости» [7].

Реконструкция ментальной культуры белорусов дает представление о функционировании программ при определении выбора модели развития государства, системы правления, организации политического взаимодействия «власть – подчиненные», принципов самоорганизации гражданского общества, доминирующих общественных правилах и нормах. Применение исторического метода исследования позволяет выделить наиболее устойчивые, базовые компоненты ментальной культуры белорусов, касающиеся традиций и имиджа государственности, культурной оппозиции в организации политической власти и государственного устройства, влияния этноконфессиональной и культурной среды, а также географического фактора на формирование белорусского общества, особенностей социального мышления и поведения. Начальным моментом такого анализа выступает проблема цивилизационной идентификации белорусского общества.

В историческом аспекте обращает на себя внимание преимущественно локальный характер самоидентификации белорусов, который основывается на принадлежности к определенной территории, местности, региону («тутэйшыя»), социальной или конфессиональной группе (православные, католики и т.д.), клану, родственным связям, семье, не возвышаясь до уровня государства.

В белорусской действительности необходимость обращения к проблемам этнической идентификации продиктована причинами как научного, так и политического характера.

Политический аспект проблемы обусловлен тем, что конструирование идеологии белорусского национализма [Понятия национализм и этнонационализм используются в данном тексте в значении, общепринятом в европейской гуманитарной науке, то есть без всякой оценочной нагрузки и только для обозначения определенных исторических явлений] началось только в конце XIX века. На протяжении столетия менялись субъекты конструирования, их цели, политическая практика, социальное положение и партийная принадлежность. Однако в этих изменяющихся условиях неизменной оставалась идеологическая константа – абсолютизация культурно-языковых, конфессиональных и психологических и культурных отличий белорусов. Изначальное существование белорусов как особого этноса, со своей особой судьбой, наиболее последовательно было сформулировано в исторической науке. В. Ластовский в 1910 году впервые выдвинул тезис о белорусском народе, действовавшем, по словам современных исследователей, в качестве «самостоятельного субъекта исторического процесса», т.е. В. Ластовский, по сути, заявил о наличии у белорусов гражданского общества, т.к. субъектом исторического процесса может выступать только таковое [8]. Следствием этого методологического подхода явилось провозглашение Полоцкого княжества, а затем и Великого княжества Литовского, в качестве политических форм исторически эволюционирующей белорусской государственности. Конструкт, предложенный В. Ластовским в качестве субъекта исторического процесса, целиком укладывается в описанный Р. Брубейкером «миф группизма», который утверждает этносы как реально существующие «группы с внутренней гомогенностью и внешними границами» [9].

Аналогичные идейные позиции отстаивал и известный национальный активист Я. Лёсик. В 1917 году он писал: «Мы должны помнить и всегда иметь в виду, что белорусы – народ особый и не похо-

жий ни на русских, ни на поляков, следовательно, и интересы у нас особые, белорусские...» [10].

Однако, следуя утверждению О'Лири, формы групповой солидарности, основанные только на этнокультурной идентичности, но не содержащие отчётливо выраженных политических целей (создание собственного государства и т. д.), не могут претендовать на роль базовых и достаточных для формирования гражданского общества [11]. Эволюция дореволюционного идентификационного процесса (в подражание литовскому, польскому и украинскому и др.), призванного к созданию идейных рамок для национальных движений, не привела к формированию массового белорусского национально-государственного движения как политической силы. Он, к началу первой мировой войны, как явление общественной жизни, оставался сугубо культурным и в социальном отношении маргинальным, имевшим влияние в слоях немногочисленной и оппозиционно настроенной местной интеллигенции. Локальный этнический национализм не обладал силой легитимации, способностью к организации солидарного этнического и гражданского самопроявления и социальной мобилизации масс, и, естественно не мог стать фундаментом для формирования гражданского общества, даже в узком, этнонациональном выражении. На белорусских землях ведущую роль в производстве не только этнических, но и социальных, политических, правовых различий играл конфессиональный фактор. Главной особенностью его проявления было то, что конфессиональные границы проходили внутри этнической группы. Конфессиональные конфликты укрепляли то польско-католическую идентификацию меньшинства населения с одной стороны, то православно-русскую, инклюзивную (расширительную), с другой. Внутри этнической группы белорусов, общность, основанная на православно-русской идентификации, во второй половине XIX – начале XX вв. сформировалась в качестве доминирующей.

Таким образом, до 1917 года и позже белорусское население на уровне массового сознания практически не испытывало потребности в политическом оформлении своего существования не только в качестве гражданского общества со своими свойствами и параметрами, но и в качестве особой этнической группы.

Распад Российской империи побудил окраинные национальные партии к созданию самостоятельных государств. Такой попыткой стало провозглашение в марте 1918 года Белорусской Народной Республики. БНР – дитя идентификационного кризиса Российской империи, высшей точкой которого и стал 1917 год. Кризис обнажил, в числе многих других, и проблемы национального устройства империи, дал возможность её народам заявить о своем выборе. До Октябрьской социалистической революции на неоккупированной территории Беларуси практически не было организаций, которые ставили бы своей целью отделение от России и создание самостоятельного белорусского государства. Максимум их требований в то время – это национально-территориальная автономия в составе Российской республики. Тем не менее, вызванный во многом внешними условиями и неудавшийся политический проект – БНР, явился первой попыткой институционализации этничности в форме независимой государственности и создания основы белорусского гражданского общества.

Очередной этап идентификационного процесса был запущен «сверху» провозглашением БССР. Интересна первая реакция лидеров БНР на провозглашение Советской Беларуси. А. Луцкевич записал в своем дневнике: «Гэта ўсё нашых так назлектрызавала, што ўсе як адзін гатовы ехаць у Менск і працаваць разам з бальшавікамі» [12]. Впоследствии он признавал, что созданием Советской Беларуси был частично воплощен в жизнь их государственный идеал. Сразу, либо с течением времени, многие деятели БНР признают БССР и очень много сделают для развития белорусской науки, культуры, языка, т. е. для формирования обоснованных критериев этнической и социокультурной идентификации белорусов и создания условий для развития гражданского общества. Свидетельством формирования этнической государственности в форме БССР в 20-х – первой половине 30-х гг. XX века стала практика «белорусизации», ставившая своей целью ускоренное формирование идеологического скелета структурированной этнической идентичности. В ходе белорусизации

произошло сужение формулы «русскости», основанной на вероисповедальной и этнической общности великороссов, малороссов и белорусов, до более узкой – «белорусской». Белорусизация земель, которые вошли в состав БССР, как и украинизация земель Советской Украины, раскололи общерусскую религиозно-этническую идентичность восточнославянских народов, положив начало формированию новой этнической идентичности белорусов и украинцев. Главный результат советской национальной политики – институализация белорусской этничности как основы гражданского общества советского типа, оставался незыблемым вплоть до распада СССР.

В некоторых публичных выступлениях имеет место утверждение, что в СССР не было гражданского общества, а было лишь тоталитарное государство. Данное мнение следует из рассмотрения понятия «гражданское общество» в суженном объёме. Уместнее применить подход, при котором гражданское общество понимается как совокупность всех естественных форм общественной жизнедеятельности индивидов, призванных обеспечивать удовлетворение их потребностей и интересов. С этой точки зрения его не может ни поглотить, ни ликвидировать никакой политической режим или государство. И, кроме того, само государство должно рассматриваться как важный фактор формирования и развития институтов гражданского общества. Государственная власть может деформировать гражданское общество, но не в силах ликвидировать материальную и духовную жизнь людей, насильно упразднить социальные группы и идентификационные основания общества, основополагающие формы человеческой жизни. Утверждать обратное – значит, соглашаться с утопической идеей о всеисилии и всемогуществе чего-либо, в данном контексте – политики и государства. Становление гражданского общества в условиях социалистического строительства происходило на принципиально иной экономической основе – господстве общественных форм собственности, что привело к возникновению своеобразного по качеству гражданского общества. Общественная собственность сблизила гражданское общество и государство, но не сделала их тождественными. Гражданское общество представлялось как владелец собственности, а государство – как её распорядитель. В социальном плане, считалось, что в советском гражданском обществе человек труда удовлетворяет свои потребности через трудовой коллектив. В стране была создана целая система общественных организаций, которые воспитывали общественную и политическую элиту, удовлетворяли в той или иной мере социальные и духовные потребности.

В 1961 году в Программе КПСС был сделан вывод о том, что советское государство стало государством всего народа, т.е. общенародным социалистическим государством, а еще через 10 лет господствующей идеей в общественных науках стала мысль, высказанная Л.И. Брежневым о возникновении новой исторической общности – советского народа. Существование такой общности мотивировалось наличием общих черт поведения, мировоззрения, характера советских людей, независимых от национальной принадлежности, социального статуса, экономического положения. Этим официально получила своё оформление идея, которая фактически обращала эволюционную цепочку развития представлений о гражданском обществе вспять, вплоть до полного неразделения понятий государство и общество, а также возводила новые барьеры на пути идентификационного процесса.

Тем не менее, реально в Советском Союзе существовала специфическая разновидность гражданского общества, для которой было характерно сотрудничество с государством и опека с его стороны. Кроме того, существовал мощный идеологический стержень, который удерживал в состоянии равновесия всю социально-политическую систему. Потому естественно, что сам факт семидесятилетнего существования такой гигантской общественной системы как Советский Союз, не мог не оставить след в политике, экономике, общественной жизни целого ряда государств, особенно тех, которые ранее являлись его частью.

Возникшее в конце 80-х годов XX века в среде научной и творческой интеллигенции оппозиционное антикоммунистическое движение начало активно использовать лозунги этнического национализма в

качестве инструмента политической мобилизации населения для борьбы за создание независимой белорусской государственности и трансформации параметров гражданского общества по западному образцу.

К середине 90-х гг., в связи с приходом к власти новой политической элиты, процесс непосредственного воздействия идеологии этнонационализма, а, следовательно, и соответствующих критериев идентификации, на национально-государственное строительство был пересмотрен. Очевидно, что дискуссия по этим вопросам продолжится, особенно, если учесть, что до сегодняшнего дня ещё не создана последовательная концепция формирования белорусской нации и не существует общепринятых «истин» в интерпретациях белорусской нации и этноса [13].

Проблемой научного характера кажется такой аспект, как роль сложившейся ментальной культуры в развитии гражданского общества. Здесь важен **фактор территориально-этнической ментальности, выяснение его значения в идентификационном процессе, а также при изучении свойств и особенностей гражданского общества.**

В поисках ответов на вопросы: «Что движет человеком при его политическом и гражданском выборе?», «Каковы причины его поведения?», «Каковы его мотивы?» мы неизменно обращаемся к анализу структуры массового сознания. Оно имеет множество уровней, слоев или пластов.

Наиболее поверхностный и подвижный её слой – мнения и субъективные оценки текущих событий, специфические ориентации: такие как идентификация с определенной группой, идеологией, партией, политической элитой, лидером. Глубже лежит слой социально-политических ценностей, более общих отношений и представлений о гражданском обществе в целом. Это так называемые общекультурные ценности, сердцевина которых лежит в основе национального характера.

Понятию «национальный характер» в социологической, исторической, психологической литературе дается множество определений. Большинство из них группируется вокруг понятий «модальной личности». Но более простым и удобным для данного контекста будет определение национального характера как некоей системы позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью (большинством) данного этноса – т.е. идентификационных критериев. При этом следует учитывать, что национальный характер составляют наиболее глубинные, базовые или фундаментальные социально-психологические феномены, массовые, в том числе и рудиментарные представления, психологические черты, характеризующие отношение к окружающему миру, внешней реальности, природе, другим людям, семье, жизни, счастью. Национальный характер складывается на самой ранней стадии формирования этносов, поэтому он является той частью сознания, которая в наименьшей степени подвержена изменениям или изменяется медленнее всего. Социальная дифференциация также появляется позже, поэтому в национальном характере она выражена слабо. Факторами, влияющими на образование национального характера, являются географические, климатические, религиозные, культурно-исторические и многие другие. Именно они, в первую очередь, прямо и непосредственно влияют на параметры идентификации.

Наряду с прямым влиянием черт национального характера на идентификационный процесс, гораздо большее воздействие происходит опосредованно, т.е. сначала они определяют ориентации по отношению к реалиям социума, а уже затем через них воздействуют на идентификационный выбор. То есть глубинные пласты ментального сознания «выходят на поверхность» и воплощаются в реальных идентификационных действиях в основном через более поверхностные уровни культуры и повседневных мнений. Ориентации общества содержат в себе выраженную поведенческую направленность, готовность практически действовать в направлении зафиксированного отношения к действию. Через эту тенденцию ориентации и преобразуются в действия. В самом общем виде можно сказать, что ментальная культура, подобно национальному характеру, как бы осуществляет отбор и создает социальные и политические желания и

стимулы. Она выступает своеобразным фильтром в системной модели гражданского общества.

Кроме прямого влияния на процесс идентификации, культура воздействует на него посредством формирования мнений. Во-первых, культура осуществляет отбор информации, устанавливает психологические препятствия информации, не соответствующей культурным ценностям и, наоборот, увеличивает восприимчивость к информации, более соответствующей им. Во-вторых, она определяет общий контекст развития и выражения мнений, устанавливает границы, в которых индивид может выразить свои взгляды, хотя никогда не предопределяет всех возможных мнений. Анализировать пласт политических мнений и оценок текущих событий сознания столь подробно, как национальный характер или ментальную культуру, не представляется необходимым, поскольку мнения наиболее близко соприкасаются с политическим поведением и зачастую полностью предопределяют выбор. На их формирование, помимо черт национального характера и политической ориентации, влияют многообразные психологические факторы, социально-экономический статус, политико-институциональная структура, социальная деятельность государства, опыт прошлого участия и, наконец, ситуационные характеристики, соседско-общинный контекст, мнения референтных, для данного индивида источников.

Российский политолог А. Рукавишников, исследуя роль политической культуры в формировании гражданского общества, предполагает, что «неясно, каким образом будет изменяться значение российской (читай - белорусской, прим. автора) национальной и политической культуры в будущем. ...Весьма вероятно, что несмотря ни на что, она сохранится как особенность национального характера» [14]. Ж.Т. Тощенко утверждает, что «...постсоветский человек – есть прибежище многих парадоксов, которые свидетельствуют о его «переходной» природе. И остается лишь гадать, как скоро этот «парадоксальный человек», сформировавшийся (!) на постсоветском пространстве, сможет стать «нормальным» [15]. Заметим, что автор говорит о «парадоксальном человеке», как о человеке уже сформировавшемся, что противоречит его же выводу о неизбежности выбора. Почему не предлагается вариант существования такого стереотипа, «ментального образца», тем более что он уже сформировался, а постоянно происходит подталкивание общества к поиску более «цивилизованного» состояния, основанного на непримемлемых для массового сознания, ценностях? Кроме того, многие социалистические ценности, названные «иллюзиями», уже прочно стали стандартами жизни на Западе, а потому воспринимаются там не как предмет научного анализа и спора, а как стандарт, достигнутый в результате социального прогресса общества.

Л.Г. Титаренко в качестве одной из задач исследования «Политические ориентации граждан Беларуси и России: сравнительный анализ» ставит вопрос: «Действительно ли нашему населению присуща смесь марксистской, консервативной и либеральной идеологий?». Здесь же, базируясь на анализе значительного социологического материала, формулируется и ответ: «... очевидно, что традиционная западная трактовка демократии, ...далеко не единственная, имеющая место в нынешнем массовом сознании белорусов» [16]. Действительно, если сознание, ментальность, стереотипы и образцы мышления и поведения белорусов, сохраняют отличия от западных стандартов, у нас гражданское общество не развивается вообще? Если применить такой подход, то следует поставить под сомнение существование такового в Японии, Южной Корее, Сингапуре, да и в тех же США.

Следовательно, на нынешнем уровне развития ментальную культуру того или иного народа следует рассматривать не столько как индикатор уровня развития гражданского общества, но, прежде всего, как основание, на котором это общество возникает и развивается. Существующая уже не одно столетие проблема этнической и социально-культурной идентификации – это проблема «внешнего» рассмотрения гражданского общества, где критериями идентификации выступают некие методологические стереотипы и основания, не в полной мере учитывающие все многообразие факторов, влияющих на характер развития гражданского общества в Беларуси. Развитие гражданского общества в Беларуси не может происходить без влия-

ния факторов прошлого, которые теперь стали частью исторического опыта и массового сознания большей части населения.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тевдой-Бурмули, А.И. Старые теории и новые проблемы // Политическая наука, 2002. - № 4. - С. 101.
2. Тевдой-Бурмули, А.И. Старые теории и новые проблемы // Политическая наука, 2002.
3. Мигранян, А.М. Гражданское общество // Опыт словаря нового мышления. - М., 1989.
4. Власов, А. Будущее Беларуси – в становлении и развитии гражданского общества // Неман. – 2003. – № 5. – С. 128-132.
5. Бовш, В.И. Предпосылки и условия развития гражданского общества в Беларуси // К 10-летию образования Содружества Независимых Государств: итоги и перспективы: материалы круглого стола. Минск, 18 декабря 2001 г. / под редакцией Е.В. Матусевича. – Мн.: ИСПИ, 2002. – С. 129-145.
6. Мельник, В.А. Политология / В.А.Мельник. – Мн., 2002.
7. Біч, М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мн. 1993. С. 8, 12.
8. Церашковіч, П.В., Чаквін, І.У. Беларусь // Энциклопедия истории Беларуси: У 6 томах. – Мн., 1993. Т. 1\ – С. 473.
9. Тевдой-Бурмули, А.И. Старые теории и новые проблемы // Политическая наука. – 2002. – № 4. – С. 113.
10. Лёсік, Я. Аўтаномія Беларусі. – Мн., 1917. – С. 1, 12.
11. Тевдой-Бурмули, А.И. Старые теории и новые проблемы // Политическая наука. – 2002. – № 4. – С. 113.
12. Елисеев, А. О Белорусской Народной Республике // Товарищ.– № 642 за 18 марта 2008 г.
13. Сакалова, М. Пра разуменне паняццяў «нацыя» і «этнос» у сучаснай айчынай гістрыяграфіі // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 6. – С. 167.
14. Рукавишников, В.О. Студенчество и авторитаризм // Высшее образование в России. – 1997. – С. 58.
15. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек. – М., 2001.
16. Титаренко, Л.Г. Политические ориентации граждан Беларуси и России: сравнительный анализ // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. – Харьков, 2002.

Материал поступил в редакцию 28.10.08

DANILOV Y.D. Identification problem in research of features of formation of a civil society in Belarus

Article is devoted problems of scientific research of a phenomenon of identification in mass consciousness of a civil society in Belarus. The question of methodology of studying of factors and features of historical, ethnic, political and mental consciousness on a course and specificity of course of identification process of the Belarus society in a context of development of a civil society is particularly examined. Are noted political and sociological aspect of a problem.

УДК 341.9

Демьянишина Р.Н.

ЭЛЕМЕНТЫ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Таможенное регулирование является основой экономического регулирования внешнеэкономической деятельности. Составляющими элементами таможенного регулирования являются:

1. Таможенные процедуры

1.1. *Таможенный транзит* – представляет собой таможенную процедуру, определяющую специальный порядок осуществления международной и внутриреспубликанской перевозки товаров, находящихся под таможенным контролем, между зонами таможенного контроля. Таможенный транзит применяется в целях обеспечения доставки товаров и относящихся к ним документов из таможенного органа отправления в таможенный орган назначения. В зоне оперативной деятельности таможенного органа отправления товары помещаются под таможенную процедуру таможенного транзита и начинается их перевозка в соответствии с указанной процедурой. Завершается процедура после доставки товаров в место доставки, установленное таможенным органом отправления, где они размещаются в зоне оперативной деятельности таможенного органа назначения. Документом, подтверждающим помещение товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, является разрешение на таможенный транзит, условия выдачи которого определены ст. 107 Таможенного кодекса Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 204-З (далее ТК). Данный документ выдается таможенным органом не позднее одного рабочего дня со дня, следующего за днем принятия таможенным органом документа таможенного транзита. При выдаче разрешения на таможенный транзит таможенный орган отправления устанавливает срок таможенной процедуры таможенного транзита, определяет место доставки товаров, маршрут перевозки товаров, если перевозка товаров должна осуществляться по

определенному маршруту, применяет средства идентификации товаров и документов на них. Срок таможенной процедуры таможенного транзита не может превышать предельного срока таможенной процедуры таможенного транзита, определенного ст. 109 ТК, который зависит от вида транспорта, на котором перемещается товар. Так, например, таможенный транзит не может превышать 5 календарных дней, если перевозка осуществляется автомобильным транспортом. Таможенная процедура таможенного транзита завершается после доставки товаров в место доставки, установленное таможенным органом отправления.

1.2. *Таможенная процедура временного хранения товаров*. Таможенный кодекс содержит конкретный перечень сведений, которые должны содержать транспортные (перевозочные), коммерческие и (или) таможенные документы, представляемые в таможенный орган для помещения товаров под таможенную процедуру временного хранения. Срок временного хранения товаров составляет 60 календарных дней. При этом по истечении данного срока товары, не помещенные под таможенный режим или под таможенную процедуру либо не снятые с таможенного контроля в связи с наступлением иных обстоятельств, задерживаются таможенными органами.

1.3. *Таможенная процедура ввоза припасов* допускает потребление и розничную продажу припасов на борту водных, воздушных судов и в железнодорожных транспортных средствах, являющихся транспортными средствами международной перевозки, в период нахождения таких транспортных средств на таможенной территории, а также последующий вывоз непотребленных (нереализованных) припасов с таможенной территории без возникновения налогового обязательства по уплате вывозных таможенных пошлин.

Демьянишина Раиса Николаевна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.